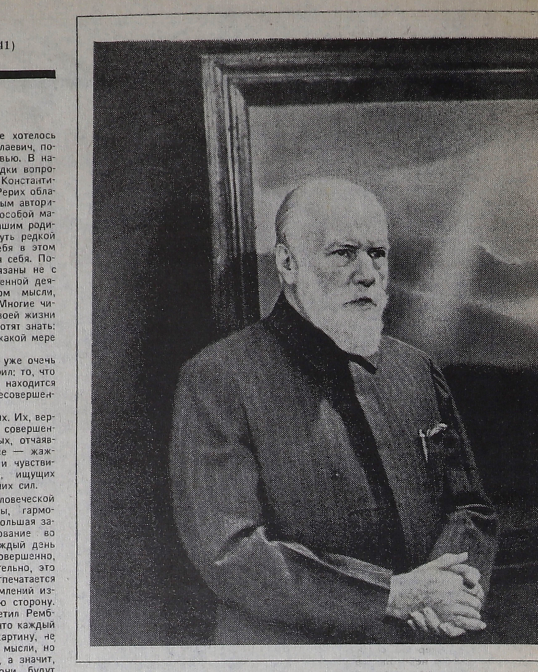

Святослав РЕРИХ:

«Мы ответственны в своих мыслях...»

Вопрос. Прежде всего мне хотелось бы объяснить, Святослав Николаевич, почему я просила вас дать интервью. В нашей редакционной почте нередки вопросы о вашей семье, о Николае Константиновиче, Елене Ивановне. Имя Рерих обладает несомненным общественным авторитетом, я бы даже сказала — особой магией, связанной с тем, что и вашим родителям, и вам удалось достигнуть редкой внутренней гармонии, найти себя в этом мире и объяснить этот мир для себя. Поэтому мои вопросы будут связаны не с вашей профессиональной или общественной деятельностью, а с вашим образом мысли, поисками истины как таковой. Многие читатели убеждены, что опытом своей жизни вы нашли какое-то решение, и хотят знать, в чем оно, в чем его секрет, в какой мере оно приемлемо для них?

Ответ. Знаете, этому секрету уже очень много лет. Еще Конфуций говорил: то, что ищет человек совершенный, находится внутри него, а то, что ищет несовершенный, — у других.

В. Поговорим о несовершенных. Их, вернее, нас гораздо больше, чем совершенных. Много людей озлобленных, отчаявшихся, эгоистичных, но больше — жаждущих сделать добро, чутких и чувствительных, неуверенных в себе, ищущих приложения для своих внутренних сил.

О. Я бы сказал так: смысл человеческой жизни — в достижении красоты, гармонии, в самовыражении. Самая большая задача — это самосовершенствование во всем. Если каждый из нас каждый день будет делать что-то более совершенно, чем вчера, и делать это сознательно, это его устремление неизбежно отпечатается в его сознании, а сумма устремлений изменит его поведение в лучшую сторону. Видите ли, когда Лейбниц посетил Рембрандта, Рембрандт сказал ему, что каждый мазок, который он кладет на картину, не просто отражает его чувства и мысли, но и запечатлевает их на полотне, а значит, через поверхность картины они будут воздействовать на других. Эта мысль так поразила Лейбница, что он записал ее в своем дневнике. Я хочу сказать, все наши поступки несут отпечатки наших мыслей, поэтому мы ответственны в своих мыслях—не только перед собой, но и перед людьми. Поэтому надо стараться избегать дурных мыслей, не допускать их и, напротив, стремиться к положительным. Попробуйте — в сущности, это очень просто.

В. Может быть, теоретически действительно просто, но в реальной жизни, где столько раздражителей, трудностей, где от вас постоянно требуется мгновенная и активная защитная реакция...

О. Конечно, в жизни есть позитивное и есть негативное. Но мы все, живые существа, подчиняемся закону эволюции. Эволюция — это стремление к совершенству. Если мы мыслим эволюционно, значит, эмоционально стремимся к чему-то более возвышенному. Важны внутреннее усилие мысли, сила мысли, сила устремления. Возьмем самые малые наши проблемы: наш день, работу. Надо осознать их как задачу, понять и попытаться если не лучше, Вот и все. Это почти невидимые ступени, но если по ним подниматься каждый день, постоянно, можно достигнуть цели. Сосредоточить мысль на стремлении сделать свое дело лучшим образом. Когда человек стремится к лучшему, он возвышается. В конце концов, что такое вдохновение? Это как бы внутренняя молитва человека, когда он стремится к возвышенному.

Конечно, мы живем потому, что мы живем, мы поставлены в условия жизни, но что такое жизнь? Жизнь — это служение, надо уметь выбрать из нее то, что помогает нам продвинуться к совершенству.

Возьмите, например, былины. Герои былин всегда обладали какими-то особыми качествами, которые превосходили качества обычных людей. Конечно, повторить подвиг былинного богатыря простой человек не мог, но перед глазами у него всегда был пример более совершенного поведения, более совершенных качеств — конкретный, в который он верил, к которому тянулся. Красивые образы вызывают красивые мысли, а красивые мысли помогают построить более красивую жизнь. Так считал Платон!

В. Но ту же роль могли бы сыграть и так называемые идеальные герои в литературе?

О. И да, и нет. Литератор имеет дело со словом, а слово обладает очень большим влиянием. Поэтому литератор более других ответствен в своих мыслях перед всеми, прежде всего — перед молодым поколением. Какая идея заложена в идеальном герое? К этому надо подходить очень осторожно. То, что я говорю, не урезает, не ограничивает наши творческие, художнические возможности, нет, но это поможет обойти то, что несовершенно и что в будущем может осложнить жизнь. Знаете, негативное — оно вроде как заразная болезнь, и к этой болезни надо подходить с открытыми глазами.

В. Существует ли против этой болезни иммунитет?

О. Конечно. Взращивание добра в себе является иммунитетом против зла. Вот таким образом. Это действительно очень просто, но и очень сложно в то же время. В конце концов, чего мы хотим? Мы хотим более совершенной жизни. Более счастливой и богатой. Богатой не внешними условиями, нет. Хорошо, конечно, когда они есть, но это не главное. Богатство — это наш внутренний багаж, в чем только наша ценность, что мы можем и должны развивать в себе.

В. Как сочетать этот багаж с практической деятельностью?

О. Как говорилось в свое время, вера без дел мертва есть. Конечно, наша жизнь состоит и из физических дел, и это те дела, которые надо стремиться делать все лучше. Человеку дана возможность улучшить и себя, и свои отношения с людьми, и свою жизнь. Зачем отбрасывать такую возможность? Зачем отказываться от замечательного богатства, которое дала нам жизнь? Греки говорили: в тебе заключено сокровище сокровищ!

В. Если это так очевидно, Святослав Николаевич, то почему человек ежечасно отказывается от этого богатства? Почему так легко поддается соблазну, грешит, и не просто грешит, а упорствует в грехе?

О. Преодолеть подъем всегда сложнее, чем спускаться вниз. Помните притчу, когда Александр Великий пришел к Диогену и спросил: чем он может его одарить, что ему дать? А нищий Диоген ответил: посторонись, не заслоняй солнце. То есть, другими словами, то, что нужно было Диогену, Александр не мог ему дать. А то, что он мог дать, Диогену не было нужно.

Вот таким образом то, что нужно человеку, никто не может ему дать. Он может найти это в самом себе. А ищет почему-то на стороне. Старается схватить что-то, что якобы может обогатить, что-нибудь осязаемое.

В. Это осязаемое тоже часто помогает жить, Святослав Николаевич. К сожалению, житейские нужды не всегда дают воспрянуть возвышенному духу. Иногда от них просто невозможно отрешиться.

О. Дорогая моя! Представьте себе, что вам необходимо развить мускулы. И вот вы сели на стул и ждете, когда они разовьются. Мускулы развиваются упражнениями, преодолением препятствий.

В. Но чтобы развивать мускулы, мне как минимум нужно понять, для чего мне они нужны.

О. Конечно! Осознать — и в этом основа, в этом суть. Нужно почувствовать, что необходима какая-то другая жизнь. Человек начинает искать решение, и то, что казалось ему прежде важным, что его окружало, ему уже просто неинтересно.

В. Стало быть, духовные поиски воспитуемы?

О. Воспитуемы. Именно воспитуемы. Обратите внимание, дети с ранних лет обладают возможностью расширить свое сознание, свое восприятие. Им не всегда в этом помогают, но если помогают, эта способность к саморазвитию остается на всю жизнь.

В. Вы основываетесь сейчас на опыте школы в Бангалоре?

О. Да, наша экспериментальная школа имени Аурубиндо дает детям возможность с самого начала проявить себя, стараться стать лучше. Они окружены атмосферой любви, они действительно чувствуют, что их любят. И в этой атмосфере, конечно, воспитывается потребность в самосовершенствовании.

В. Как вы думаете, почему в духовных поисках молодого поколения во всем мире такое большое место стали занимать философские и религиозно-мистические учения Востока? Говорит ли это о том, что нравственный опыт христианства исчерпал себя?

О. Видите ли, индийская философия дает ключи к решению многих вопросов. Все-таки люди думали там над ними не одно тысячелетие, у них было время и для размышлений, и для ассоциаций. Эта мудрость заключена в их трактатах — почему бы не воспользоваться ею?

В. Вы считаете, она приемлема и для человека иного воспитания, принадлежащего к иной культурно-психологической системе?

О. В целом — да, конечно. Ведь все, в сущности, ищут ответа на сложнейшие вопросы жизни. Хоть, как вы говорите, практицизм подавляет человека, тем не менее он начинает понимать, что жизнь заключает в себе гораздо больше того, к чему он стремится. А индийская мысль чрезвычайно богата именно в этом отношении, в ней много общечеловеческих решений, прекрасных советов, которые современны и нужны сейчас.

В. Но дело в том, что между трактатом и искателем истины волею обстоятельств оказывается посредник, своего рода толкователь, довольно часто использующий чужую Аурубиндо жажду в целях вовсе не благородных. Таких лжегуру, лжепророков, лжеучителей развелось несметное количество, и все они свои вольные импровизации выдают за слова Истины.

О. Да, я знаю, такие люди есть во всех странах, во всех обществах. Это как... паразиты, они хотят воспользоваться чем угодно для наживы, для своего обогащения. Они представляют собой негативное явление, конечно, но не надо о них думать, не надо придавать им слишком большое значение. Такие люди были всегда и еще будут.

В. Но это негативное явление по-человечески иногда очень дорого стоит. Представьте себе молодого человека, увлекающегося и доверчивого, зачарованного умными речами такого «учителя». Куда он придет, к какой истине? Как вывести его потом из состояния духовного сомнамбулизма, в которое он неизбежно впадает?

О. Я понимаю, о чем вы говорите. Но ведь и раньше молодежь увлекалась разными ложными идеями и даже вступала в организации.

В. Но это потом узнавалось, что они ложные. Интерес к индийской философии серьезен, но пропагандистами ее становятся люди, не являющиеся подлинными носителями знания. Идет удачная спекуляция на предмете. Как же отличить ложное от подлинного?

О. Можно отличить. В каждом должно быть заложено распознавание. Это как интуиция, какое-то чувство четвертого измерения. Если человек духовно развит, он всегда инстинктивно чувствует, что — так, а что — не так. Обратите внимание, каждый такой лжепророк, как вы его называете, строит вокруг себя определенный круг людей. Вот вам и основа для распознавания. А если пытаться обезопасить каждого, следить, чтобы он не оступился... Это и трудно, и противоестественно.

Человек должен сам пройти через ошибки и научиться выявлять их. А сами по себе индийские философские идеи вреда принести не могут, они прекрасны. Зачем следовать сомнительным учениям? Обернитесь к подлиннику, к первоисточнику — и все ненужное отпадет само собой.

В. Попутный вопрос, Святослав Николаевич. У нас многие увлеклись йогой — физическими, дыхательными упражнениями и так далее...

О. Йога — это система, и полезна она только в очень компетентных руках, когда у вас есть учитель, и он действительно на высоте не как тренер по гимнастике, а как человек, способный повести своего ученика вверх по ступеням совершенствования. Иначе получится как в одной из легенд, рассказанных Рамакришной, большим индийским подвижником и священнослужителем.

Были два брата, и один из них решил пойти по духовному пути и изучить йогу. Он уехал, а другой остался дома. Через 12 лет брат вернулся, и тот, что жил дома, спросил его: «Чему ты научился за эти 12 лет?» Перед домом протекала река, брат подошел к реке и по воде перешел на другой берег. Тогда другой брат позвал паромщика, дал ему четыре анны и велел перевезти себя на тот берег. И, подойдя к брату, сказал: «Бедный мой брат! Ты истратил 12 лет на то, что стоит всего четыре анны!»

В. Я так упорно спрашиваю вас про причины увлечения Востоком потому, что именно духовные поиски молодых, вообще образ мысли молодых привели, как бы это сказать деликатнее... к осложнениям между ними и родителями, старшими по возрасту. Как вы считаете, при таком взаимном непонимании кто должен уступить?

О. Старшие.

В. Почему, Святослав Николаевич? Ведь за их плечами опыт прожитой жизни.

О. Потому что, уступив, они своим примером больше воздействуют на молодое поколение, чем запретами. Положительный пример всегда воспитывает.

В. Ну, а если взаимное неприятие происходит оттого, что сам опыт жизни старших подвергается молодыми сомнению? Что кажется им ненужным, ложным?

О. Видите ли, если жизнь действительно прожита ложно, нужно исправляться самому. Из человека, ложно прожившего жизнь, воспитателя не получится, так что непременно надо исправляться.

В. Разве исправление возможно в любом возрасте?

О. Конечно.

В. Вы считаете, что необратимых процессов не бывает?

О. Нет. Вернее, может быть, они и есть. Но очень редки.

В. То есть у человека всегда есть шанс?

О. Всегда. Еще никто не опускался так низко, чтобы нельзя было воспрянуть. Ну, естественно, кроме вопиющих случаев. Возможность подняться, исправиться существует для каждого человека и в каждом человеке, просто надо найти в себе силы.

В. Святослав Николаевич, вам приходилось слушать рок-музыку? Как вы к ней относитесь?

О. Как вам сказать... Без особого увлечения.

В. В рок-музыке, как в визитной карточке современной молодежной субкультуры, многие видят свидетельство духовного обнищания, деградации, агрессивности и связывают с ней самые худшие ожидания, поскольку рок-музыка оказывает она личность несомненно негативную.

О. Может быть — да, а может быть — и нет. Возьмите молодежную живопись или литературу. Она тоже бывает негативной, я знаю. Но если мы попробуем что-то насильно искоренить или исправить, мы только покалечим. Мы только приумножим зло, если оно уже существует. Любое решение должно взрасти изнутри человека. А оно может появиться, если у человека возникает внутреннее недовольство собой или окружением. Такое недовольство может возникнуть, если для сравнения ему показать что-то внутренне более содержательное, богатое. Что даст ему больше, чем нынешнее увлечение.

В. Но довольно часто то, что противопоставляется таким увлечениям под видом подлинной культуры, тоже весьма сомнительного качества.

О. Нужно противопоставить вещи несомненные, прекрасные, возвышенные. «Красота спасет мир» — да. В конце концов к чему мы стремимся? К более совершенному человеку. Который имел бы все положительные качества, для всех очевидные. Главное — понять, что мы сами держим в руках ключ ко всему. От нас самих зависит, по какой дороге мы пойдем: по той, где можно потерять, или по той, где можно найти. Духовные накопления, духовные озарения — от чего они происходят? От гармонического духовного состояния. Когда человек в ладу с самим собой, со своими желаниями — с одной стороны, и с внешним миром — с другой. Такое состояние делает нас свободными, освобождает нас. Если же вы в рабстве у своих чувств, переживаний — вы не свободны.

В. И ни на что не способны?

О. Не можете быть счастливы. Счастливый человек внутренне свободен, его ничто не связывает. Конечно, это не значит, что он теряет свои привязанности, напротив, совершенный человек всегда будет стремиться к другому, более совершенному. Но тем не менее он внутренне независим. Это — главное.

Понимаете, мы живем столько, сколько живем — не более того. Рано или поздно нам придется уйти. И туда, куда мы уйдем, ничего нельзя будет взять с собой из того, что окружало нас при жизни. Рокфеллер, например, нажив миллионы на нефти, заболел тяжелой болезнью и медленно умирал. Состояние его было самое плачевное, он роздал почти все деньги, основал разные организации, фонды... Деньги уже были ему не нужны, он умер в своем поместье недалеко от Нью-Йорка.

Затем Кодак, знаменитый Кодак, мы с ним встречались, Николай Константинович и я. Он был большой меценат, любил музыку. Он много сделал, широко жил, но нечто, что дает удовлетворение и счастье, ускользнуло от него. Он покончил жизнь самоубийством. То есть все, что он имел, — это было не то. Он потратил всю жизнь, чтобы собрать то, что так и не могло дать ему удовлетворения. Не дало спасения.

Значит, давайте попробуем устроить свою жизнь так, чтобы к концу ее сказать: да, я счастлив. Есть, конечно, люди, умеющие удовлетворяться физическими благами, но если человек интеллектуален, развит и пойдет по неверному пути, он будет вполне несчастлив.

Я снова повторю: при желании быть счастливым просто. Это ведь похоже на «возлюби ближнего своего, как самого себя»... То есть будь добр к нему, попытайся его понять и сделать так, чтоб ему было хорошо.

В. Но значительная часть человечества уже 2000 лет пытается возлюбить, и пока, кажется, безуспешно.

О. К сожалению, нет, не пытается. И потом — что такое 2000 лет?

В. Я понимаю, на фоне Индии... Но раз вы так говорите, стало быть, верите, что можно найти себя и в пределах традиционных, привычных для европейского человека установлений морали?

О. Конечно, дело не в том, чьи это установления, а какова их суть. Я, например, ценю и люблю истинное христианство. Не то, которое дошло к нам через сотни рук, а изначальное, истинное, которому учил Христос.

В. Вас, как и Толстого, не удовлетворяет его нынешняя конфессиональная сторона, догматы?

О. Видите ли, стремление к добру, осознание добра находится в нас самих. Догматы — это внешнее приложение, но мы ничего не найдем в них, если внутренне не осознаем, не ощутим потребности в добре. Я вам расскажу одну притчу Льва Толстого.

На острове жили три отшельника и прославились своим подвижничеством. Услышал о них некий архиерей, решил их посетить и лично убедиться в их достижениях. Приплыли они на острове на лодке, архиерей подошел к ним и спросил: «Знаете ли вы «Отче наш»?» Они удивились и ответили, что ничего такого не слышали. Архиерей начал учить их молитве. К вечеру они расстались, и архиерей отплыл своим людям от берега. Когда корабль был уже далеко, архиерей видит, как в сиянии по волнам, держась за руки, бегут к его лодке три отшельника. Подбежав, они сказали, что забыли слова молитвы. Тогда архиерей сказал: вам она не нужна.

Что я имею в виду, если говорить о современности? Что важен не догмат, не теория, а живое устремление к чему-то более прекрасному, важна внутренняя энергия, которая поднимала бы на следующую ступень. В сущности, это же имел в виду Серафим Саровский, когда на вопрос, зачем нужны пост и молитва, сказал: для нисхождения святого духа. Видите ли, мысли великих полезно время от времени перечитывать и задумываться над ними...

В. В Москве в феврале проходил международный форум деятелей культуры. На заседании секции экологии в ряду с разными природоохранными мероприятиями было предложено восстановить знамя Рериха. Как вы думаете, Святослав Николаевич, в связи с современными политическими коллизиями какую роль могло бы сыграть сегодня учение Николая Константиновича?

О. Очень, очень большую. Потому что учение Николая Константиновича, как и все большие, подлинные учения, возникло из желания поднять человечество на более высокую ступень, дать ему новое учение. Если вы прочтете все книги Николая Константиновича, все его статьи, вы убедитесь, что им двигало только это желание, оно было как бы его внутренним двигателем. К своему Пакту Мира, который, как вы, наверное, знаете, он предлагал заключить всем государствам, он относился очень практически, он считал, что невозможно заставить человечество измениться вдруг, сразу стать хорошим, и потому придавал Пакту воспитательное значение. Он считал, что Пакт постепенно должен входить в жизнь, в обиход, как это было с Красным Крестом. Вот, кстати, очень интересное явление: мы все знаем о существовании Красного Креста, относимся к нему как к должному, но не помним ни имени его создателя, организатора, ни его драматической истории. Я спрашивал разных людей, но никто не знает, кто создал Красный Крест, сколько трудностей он испытал. А ведь мы столькими обязаны этому швейцарцу, доктору Дюнану, несомненно выдающемуся человеку, которому пришлось даже сидеть в тюрьме! Такое забвение несправедливо, нужно помнить о тех, кто помог нам, кто обогатил нашу жизнь.

Так вот, возвращаясь к Пакту Мира Николая Константиновича, я убежден, что со временем он так же войдет в жизнь, как и Красный Крест. Рано или поздно, но люди непременно поймут его необходимость для жизни. Ведь что предлагал Николай Константинович? Он говорил, что есть духовные ценности, сокровища культуры, которые не могут принадлежать одному народу или государству, это интернациональные достижения всего человечества. Поэтому все проявления культуры—памятники ли архитектуры или коллекции — являются достоянием всех, и именно это выступает объединяющим началом. Культура должна объединить человечество, и идея такого объединения будет воспитывать уже сама по себе, потому что люди поймут, что есть нечто, стоящее поверх их разногласий, научатся думать шире, чем сегодня.

В. В принципе те же требования уметь отвлечься от своего во имя общечеловеческого звучат и у всех тех, кто упорно говорит сегодня о необходимости нового мышления, воспитания нового сознания.

О. Конечно. В конце концов человечество едино, я, как и Николай Константинович, не разделяю его на бесконечное количество рас, подрас и так далее. Это одна большая семья, и я к ней принадлежу.

В. А что все-таки вы ощущаете, когда произносите «русское», «русская культура»?

О. Нечто очень родное. Очень родное и близкое.

В. Значит, принадлежность к общечеловеческой семье не исключает чувства патриотизма?

О. Конечно, нет. Патриотизм нужен: он ограничивает наше существование в определенной мере на определенной территории. То есть мы обережаем то, в чем мы родились. Патриотизм учит нас прекрасным, возвышенным мыслям. Истинный патриотизм, не правда ли?

В. Конечно, не спекулятивный. Святослав Николаевич, знакомы ли вы с нашей современной культурой, литературой, интересуетесь ли ею?

О. Интересуюсь. У меня есть и время, и возможность читать, и я нахожусь в контакте с литераторами.

В. Что из прочитанного запомнилось вам?

О. Я бы не хотел отвечать на этот вопрос. Знаете, почему? Это влечет за собой разные такие... неудовольствия... Когда меня спрашивают, кого из этих двух художников вы предпочитаете, я не могу ответить. Но могу сказать вам об общем впечатлении. Конечно, наша современная литература неразрывна с тем состоянием общества, в котором она родилась. Так что нельзя ожидать от нашей литературы чего-то сверх того, что может дать общество. Это же ясно.

В. А как в связи с этим вы относитесь к переменам, которые переживает сейчас наше общество?

О. Насколько я могу судить, это очень позитивные и нужные перемены. Может быть, это трудные перемены, может быть, добиться их будет не так легко, но в основе своей они обязательно приведут к оздоровлению, улучшению и общества, и жизни. Это несомненно. Так что от этой точки зрения я считаю, что Горбачев делает очень большую, трудную, но необходимую работу. Только так мы сможем повлиять на образ мысли, поведение человека, направить его в лучшую сторону.

В. Вы говорите «мы», «наше»... Спасибо вам за интервью, но более всего спасибо вам за это «мы». Хотели бы вы что-нибудь еще сказать на прощание читателям «Литературной газеты»?

О. Всегда стремиться к прекрасному. Ищите это прекрасное и старайтесь следовать ему в вашей жизни. Все остальное приложится. Поверьте мне.

Интервью взяла Ирма МАМАЛАДЗЕ

Фото **Д. ЧИЖИКОВА**

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

(Вольное исследование на невольно заданную тему)

СПРОСИЛ меня серьезно третьеклассник: «Что такое любовь?» Я растерялась. И рассердилась: мал еще! Он не обиделся, не сник — он хотел говорить с любовью. Но умел только спрашивать: «Тебе же говорили об этом? Ты же читала? У тебя же было?»

У меня — было, но мои истории мало подходили для переложения на язык третьего класса. И читал я в то же — тоже не для начальной школы. И говорили... Боже, чего только не говорили мне и вокруг меня в пятнадцать, тридцать, сорок лет! И — ничего такого, что тут же медленно пришло бы на память как простой и достойный ответ на неожиданный вопрос пришельца. («Пришельцами» назвал детей в недавнем нашем разговоре писатель-фантаст Геннадий Прашкевич.)

Короче, я не нашла ничего умнее обещания: «Знаешь, это сложно. Я подумаю, как тебе объяснить...»

Дома я в панике кинулась к словарям — в конце концов, почему я, дилетант, должна брать на себя личную ответственность? Пусть с пришельцем говорят специалисты. Пожалуйста, «Словарь по этике» (Москва, 1975, тираж 300 тысяч!), стр. 147—149. И все про любовь! Читаю:

«Любовь — чувство, соответствующее отношениям общности и близости между людьми, основанным на их взаимной заинтересованности и склонности... В условиях частной собственности и классовых антагонизмов Л. в качестве принципа человеческих взаимоотношений реально возможна лишь в крайне узких рамках... В то же время, по мере того как в процессе общественного развития половая Л. и дружба все более наполнялись нравственным содержанием (брачно-семейная мораль), ее стали рассматривать как высший образец социальных отношений между людьми вообще... Проповедь Л. с самого начала имела крайне противоречивый смысл. С одной стороны, она воплощала в себе стремление к трудящимся...»

Я не смогла обратить да конца этическую трактовку «Л». Нечего было и думать почерпнуть здесь что-нибудь для пришельца — оставалось верить, что в XXI веке люди не смогут ни писать так, ни читать такое.

Вот психологи —народ тонкий. Раскрываю «Краткий психологический словарь» (М. 1985, тираж 500 тысяч), стр. 160—161:

«**ЛЮБОВЬ** — 1) высокая степень эмоционально положительного отношения, выделяющего его объект среди других, помещающего его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта (Л. к родине, к матери, к детям, к музыке и т. д.); 2) интенсивное, напряженное и относительно устойчивое чувство субъекта, физиологически обусловленной сексуальными потребностями и выражающееся в социально формируемом стремлении быть своими личностно-значимыми чертами с максимальной полнотой представлены в жизнедеятельности другого... Установлено, что фрустрация потребности Л. при ней в ущербно соматического и психологического состояния...»

Какой скукой и наукообразной бессмыслицей веяло с этих страниц! И я больше не стала рисковать — взяла с полки второй том «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля (М. 1979, тираж 200 тысяч), открыла страницу 282 — и облегченно вздохнула:

«**ЛЮБИТЬ**, любливать кого, что, чувствовать любовь, сильную к кому привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желание, хотенье; избранье и предпочтенье кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно. Парень любит девку...»

И посыпались далее пословицы на русскую тему: «Любовь — сплошная вереница возникающих и изменяющихся эмоций».

Я и пословицы отчитывать не стала — пусть, наверное, знает, он предлагал заключить всем государствам, он относился очень практически, он считал, что невозможно заставить человечество измениться вдруг, сразу стать хорошим, и потому придавал Пакту воспитательное значение. Он считал, что Пакт постепенно должен входить в жизнь, в обиход, как это было с Красным Крестом. Вот, кстати, очень интересное явление: мы все знаем о существовании Красного Креста, относимся к нему как к должному, но не помним ни имени его создателя, организатора, ни его драматической истории. Я спрашивал разных людей, но никто не знает, кто создал Красный Крест, сколько трудностей он испытал. А ведь мы столькими обязаны этому швейцарцу, доктору Дюнану, несомненно выдающемуся человеку, которому пришлось даже сидеть в тюрьме! Такое забвение несправедливо, нужно помнить о тех, кто помог нам, кто обогатил нашу жизнь.

Так вот, возвращаясь к Пакту Мира Николая Константиновича, я убежден, что со временем он так же войдет в жизнь, как и Красный Крест. Рано или поздно, но люди непременно поймут его необходимость для жизни. Ведь что предлагал Николай Константинович? Он говорил, что есть духовные ценности, сокровища культуры, которые не могут принадлежать одному народу или государству, это интернациональные достижения всего человечества. Поэтому все проявления культуры—памятники ли архитектуры или коллекции — являются достоянием всех, и именно это выступает объединяющим началом. Культура должна объединить человечество, и идея такого объединения будет воспитывать уже сама по себе, потому что люди поймут, что есть нечто, стоящее поверх их разногласий, научатся думать шире, чем сегодня.

В. В принципе те же требования уметь отвлечься от своего во имя общечеловеческого звучат и у всех тех, кто упорно говорит сегодня о необходимости нового мышления, воспитания нового сознания.

О. Конечно. В конце концов человечество едино, я, как и Николай Константинович, не разделяю его на бесконечное количество рас, подрас и так далее. Это одна большая семья, и я к ней принадлежу.

В. А что все-таки вы ощущаете, когда произносите «русское», «русская культура»?

О. Нечто очень родное. Очень родное и близкое.

В. Значит, принадлежность к общечеловеческой семье не исключает чувства патриотизма?

О. Конечно, нет. Патриотизм нужен: он ограничивает наше существование в определенной мере на определенной территории. То есть мы обережаем то, в чем мы родились. Патриотизм учит нас прекрасным, возвышенным мыслям. Истинный патриотизм, не правда ли?

В. Конечно, не спекулятивный. Святослав Николаевич, знакомы ли вы с нашей современной культурой, литературой, интересуетесь ли ею?

О. Интересуюсь. У меня есть и время, и возможность читать, и я нахожусь в контакте с литераторами.

В. Что из прочитанного запомнилось вам?

О. Я бы не хотел отвечать на этот вопрос. Знаете, почему? Это влечет за собой разные такие... неудовольствия... Когда меня спрашивают, кого из этих двух художников вы предпочитаете, я не могу ответить. Но могу сказать вам об общем впечатлении. Конечно, наша современная литература неразрывна с тем состоянием общества, в котором она родилась. Так что нельзя ожидать от нашей литературы чего-то сверх того, что может дать общество. Это же ясно.

В. А как в связи с этим вы относитесь к переменам, которые переживает сейчас наше общество?

О. Насколько я могу судить, это очень позитивные и нужные перемены. Может быть, это трудные перемены, может быть, добиться их будет не так легко, но в основе своей они обязательно приведут к оздоровлению, улучшению и общества, и жизни. Это несомненно. Так что от этой точки зрения я считаю, что Горбачев делает очень большую, трудную, но необходимую работу. Только так мы сможем повлиять на образ мысли, поведение человека, направить его в лучшую сторону.

В. Вы говорите «мы», «наше»... Спасибо вам за интервью, но более всего спасибо вам за это «мы». Хотели бы вы что-нибудь еще сказать на прощание читателям «Литературной газеты»?

О. Всегда стремиться к прекрасному. Ищите это прекрасное и старайтесь следовать ему в вашей жизни. Все остальное приложится. Поверьте мне.

Интервью взяла Ирма МАМАЛАДЗЕ

Фото **Д. ЧИЖИКОВА**

И про «любовь» — ясно: «...состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделенье; охота, расположенье к чему».

Как это прекрасно, что есть у нас Даль! Хоть и поменьше у него нынче тиражи, чем у «этики» и психологов, но что бы мы делали без его четырех томов? Полная была бы «фрустрация»!

...Я сказала пришельцу — легко и вдохновенно: «Знаешь, любовь — это когда из очень многих людей ты только с одним становишься самым сильным, самым смелым, самым красивым...» Он посмотрел на меня рассеянно и спросил: «Как ты думаешь, люди сначала плавали или летали?»

Я еще хотела говорить. Про любовь. Но сегодня пришельца волновало совсем другое.

Позже прабабушка пришельца поведала мне, смеясь и ужасаясь, что в один день все девочки их подъезда объяснились ее правнуку в любви. Он в подъезде — единственный подходящий «объект» для «эмоционально положительного отношения», остальные — малыши. А девочек — с первого по пятый класс — семь или восемь. И они, ему сказали, после сложной интриги, что все в него влюблены... Наверное, это случилось именно в тот день, когда он спросил меня: «что такое любовь?»

Хорошо, что спросил. А то бы мне и в голову не пришло посмотреть на наши общественные науки со стороны «Л». И никакой «Л» — увы! — они во мне не вызвали, даже «сравнительно слабых одобрительных отношений» (см. «Симпатия») у меня с ними не возникло. Скорее наоборот.

З. ИБРАГИМОВА

НОВОСИБИРСК

МОНГОЛИЯ:

ВСТРЕЧИ в Дархане

Опыт друзей и заботы друзей

ДАРХАН — второй по значению после Улан-Батора промышленный центр Монголии. Его можно было бы назвать типичным молодым монгольским городом.

Недавно жители его, средний возраст которых двадцать три года, отметили двадцатипятилетие города. Создавали Дархан советские строители. По обмыку старого и нового районов мы можем проследить недавнюю историю нашей городской архитектуры. При создании нового района строители постарались учесть и опыт Эрденета, и сибирских городков, придать планировке и домам национальные черты, приняли в расчет особенности местной природы.

Дома красивы, но городу их мало — в жилье нуждается около половины его населения.

Сейчас в Монголии все делается для того, чтобы решить жилищную проблему, но сделать это не так-то просто хотя бы потому, что жилищное строительство не относилось к разряду приоритетных отраслей экономики, индустриальное домостроение только-только набирает силу. И, наверное, в чем-то здесь повторяются наши ошибки, когда инфраструктура, жилье при распределении средств ставились в очередь далеко позади промышленных объектов. Это ощущает на себе не только Дархан.

В Улан-Баторе существуют целые юртовые кварталы: обнесенные забором юрты, веревки с сохнущим бельем, со шкурками пушных зверей, собаки на длинных цепях. Как мне объяснили, в этих юртах проживают три категории горожан. Первая — люди старшего поколения, те, кто не смог отойти от традиций—поменять свежий воздух, естественность юрты на холодную искусственность бетонных секций. Таких становится все меньше. Вторая, наиболее малочисленная категория — люди, использующие юрты время от времени, как дачу. И, наконец, третья группа — это улан-баторцы, стоящие в очереди на квартиру, и некоторые из них достаточно долго — кое у кого есть дети, выросшие в городских юртах, пошедшие из них в школу... Однако, говоря о жилищных проблемах Монголии, не будем забывать, что чуть больше полувека назад в пыльной Урге было всего одно деревянное здание, а таких городов, как Дархан, не существовало и в планах.

На холме, как раз между двумя дарханскими районами, возвышается Дворец бракосочетаний — гигантская стилизованная юрта из стекла и бетона. Совсем скоро появятся новые свадебные обряды, учитывающие и традиции многовекового прошлого, и современные, только зарождающиеся обычаи. Скорее всего, будет учтена и тенденция к безалкогольным свадьбам, ибо наступление на алкоголь в Монголии развернулось широким фронтом. Результат его сокращение, за половину прошлого года продажи спиртного на тридцать процентов. Правда, в основном лишь за счет сельской местности. Улан-Батор, Эрденет и некоторые другие города еще «не сдали» свои позиций.

Знакомство с Дарханом началось у нас с горкома партии, который расположился в теряющихся среди многоэтажности города бывших рабочих бараках, отремонтированных и слегка перепланированных. Нам объяснили, что на первом плане — строительство детских комбинатов, которых в городе не хватает, хотя их уже насчитывается девятнадцать. А недостаток детских учреждений приводит к острым проблемам.

Четверо-пятеро детей в семье городского жителя — явление для Монголии обычное. Государство всячески поощряет многодетные семьи (в частности, женщина, имеющая четверых и более детей, уходит на пенсию на пять лет раньше; есть и другие льготы). На промышленных предприятиях Дархана примерно половина работающих — женщины. Это видно и без всякой статистики: улыбающиеся женские лица встречались нам повсюду. Мужская работа — это работа в горнодобывающей, энергетической промышленности, которая вынесена за пределы городской черты. Женщины же почти монополизировали промышленность пищевую, легкую и т. п. И это также учитывалось заранее, еще при планировании промышленного Дархана, чтобы рационально использовать трудовые ресурсы.

Сегодня женщины потеснили сильную половину во всех сферах, начиная от рабочих профессий и кончая государственным управлением, не говоря уж о сфере обслуживания и искусстве.

Однако монгольская женщина не утратила присущей ей скромности. Может быть, именно это качество помогает ей быть часто незаметной, но в то же время незаменимой практически везде?

...Если вы захотите победать в дарханском или улан-баторском ресторанах, не удивляйтесь молодости и скромности официанток и не пытайтесь оставить на чай даже несколько мелких монет — здесь не берут чаевых...

ДАРХАН — символ социалистического содружества. Он ровесник вступления Монголии в СЭВ. Возводили город, как я уже сказал, советские строители, силикатный завод строили польские специалисты, цементный — чехословацкие, овчинно-шубную фабрику — болгарские, мясокомбинат создавали друзья из Венгрии. Приведу еще две цифры, иллюстрирующие значимость для Монголии сотрудничества со странами социализма. Со времени вступления МНР в СЭВ — то есть за 25 лет — при технико-экономической помощи стран содружества в стране построено 770 объектов народного хозяйства. Особый же размах индустриальное развитие Монголии получило с начала 70-х годов, после принятия комплексной программы социалистической экономической интеграции. Из 770 упомянутых объектов 600 построено за последние 15 лет. Именно они сегодня составляют основу экономики республики.

На дарханском мясокомбинате я познакомился с его главным механиком Даваажамбу. Среднего роста, обаятельный молодой человек чувствовал себя спокойно и уверенно, общаясь с представителями прессы. И если спокойствие — скорее всего, проявление одной из черт национального монгольского характера, то уверенность в себе специалиста — явление примечательное, потому что может свидетельствовать о высоком уровне подготовки человека, его профессионализме.

В нашей инженерии — одна из самых распространенных и наиболее быстро распространяющихся в Монголии профессий. Вот какие данные выявились в одном из последних социологических исследований: если в недавнем прошлом в составе интеллигенции преобладали представители гуманитарных профессий, то нынче резко возросла доля технической интеллигенции. Ее удельный вес составляет сегодня уже около сорока процентов.

Даваажамбу, наверное, можно назвать типичным представителем монгольской технической интеллигенции. Начинал он в 1974 году слесарем, затем учился в Советском Союзе и в 1982 году вернулся домой. Такие молодые инженеры, как Даваанямбуу, становятся сегодня на производстве ведущей силой. Если раньше, например, на мясокомбинате работали шестьдесят венгерских специалистов, то теперь непосредственно в производственной сфере их осталось четверо.

Именно высококвалифицированные кадры, умеющие работать по-новому, обладающие высоким чувством ответственности, должны избавить экономику страны от многих негативных процессов.

Низкий профессионализм, безответственность, бюрократизм приводят к большим моральным и материальным потерям.

Вот о каких фактах сообщила, например, газета «Унэн». Когда представители Комитета партийного контроля провели проверку на просительных системах инженерного типа, они обнаружили, что 90 (!) процентов их эксплуатируется не полностью. А это означает, что за последние четыре года стране нанесен экономический ущерб в 35 миллионов тугриков.

На Шарынгольском угольном разрезе из-за технологических нарушений преждевременно вышло из строя техники и оборудования более чем на 30 миллионов тугриков.

Ценнейшие материалы и средства на многие и многие миллионы залеживаются из-за многолетних задержек с вводом в строй промышленных и хозяйственных объектов, неправильного размещения заказов, оборудования, неверной комплектации. К сожалению, можно было бы привести еще не один подобный пример...

КАК ЖИВУТ две тысячи дарханских инженеров?

Средняя зарплата каждого из них — 700—900 тугриков в месяц плюс премия за перевыполнение плана. Килограмм мяса стоит до семи с половиной тугриков, литр молока — полтора-два. Это основные продукты питания монголов. Чтобы еще лучше показать реальную зарплату, добавлю, что пальто (на овчине), стоит двести шестьдесят тугриков, меховая шапка — 120.

Продукты питания и промышленные товары самой первой необходимости в монгольских магазинах в достатке. Но сказать, что полки и витрины блещут разнообразием, нельзя. И, наверное, будет преувеличением утверждать, что товары, висящие в монгольских универмагах на плечиках и просто лежащие на прилавках, — желаемого качества. Товары более или менее хорошего качества, я сам не раз был этому свидетелем, раскупаются тут же.

Монголам знакомо такое понятие, как дефицит. В сероти и сходство прилавков во многом виновата существовавшая до сих пор тенденция среди предприятий и организаций легкой и пищевой промышленности удовлетворить спрос населения только за счет «основных наименований товаров». За девять месяцев 1986 года, например, легкая и пищевая промышленность не поставила торговля продукции более чем на 20 миллионов тугриков, в том числе детскую обувь, одежду, бытовые товары, пищевые продукты.

Как отмечалось в статье, опубликованной в газете «Унэн», многие министерства и предприятия работают на достижение успехов на выставках и ярмарках, а не на удовлетворение действительного спроса покупателей. Иначе говоря, качество продукции на ярмарках и в магазине разнится. Скажем, из 400 новых моделей и образцов товаров широкого потребления, выставлявшихся на оптовой республиканской торговой ярмарке в 1985 году, 50 процентов получили отличную оценку комиссий. Но когда эти товары были произведены в массовом порядке, только треть их соответствовала первой категории качества...

«ДУМАЛИ монголы, что за дальними горами нет селений, а за горизонтом — конец земли. Они не знали, что происходит в мире», — писал великий монгольский поэт Нацагдорж. Строки эти вспомнились мне, когда я попал в монастырь Гандан, расположившийся на высоком холме в северо-западном районе Улан-Батора (полное его название очень поэтично — Гандантэгчинлин — Большая Колесница Полной Радости).

В главном храме шла служба.

Бритые ламы в коричневатых одеяниях сидели, поджав под себя ноги и молитвенно сложив ладони рук; лица их вроде бы безмятежно-бездумны, но за кажущейся всезнающестью напряженная сосредоточенность на одном — религии, боге.

И вот опять монахи взяли длинные прямоугольники древних тибетских книг, пальцы их начали неторопливо перебирать жесткие, негнущиеся страницы, вступили низкие голоса со специфическим, скрипучим, завораживающим своей неприязнью тембром. И звердили, твердили священные строчки.

В подворье монастыря множество молитвенных барабанов с прорезными рукоятками деревянных и медных цилиндров, закрепленных между двумя потрескавшимися от времени деревянными перекладинами. Они словно лестница, положенная набок. Ко дну барабанов привязаны ручки, похожие на штурвал древнего корабля.

Цилиндры эти — изобретение буддистских священников. Людям, не умевшим ни читать, ни писать, оставалось неведомым содержание тибетских книг с молитвами, что затрудняло отправление обрядов. Вот и придумали барабаны, внутрь которых клали молитвенные книги. Покрутил барабан по ходу солнца — прочитал молитву.

Когда прикасаешься пальцами к отполированному тысячами рук молитвенному штурвальчику, возникает неодолимое искушение хоть на пол-, хоть на четверть оборота провернуть барабан — чем черт не шутит, вдруг это действительно кто-то повлияет на твою судьбу?..

В монастырь мы приехали сразу после посещения Художественного музея. Там тоже история, прошлое Монголии. Однако прошлое это повернуто к вам своей эстетической стороной, свидетельствующей о высокой культуре, искусности мастеров, кочевавших со своими юртами по древней Монголии. Там было трудно ощутить то сущностное, что скрывается за удивительной красоты, высочайшего мастерства исполнения религиозными и бытовыми сюжетами, нанесенными красками из пыли драгоценных камней на полотна.

А это обязательно нужно почувствовать, чтобы понять, чего удалось добиться стране за шестьдесят шесть лет своего существования, правильно разобраться в ее проблемах. И я не случайно описал свои впечатления от единственного действующего в Монголии монастыря Гандан, который может служить символом и глубокого, и совсем недавнего прошлого. И, как это ни странно прозвучит, пусть далеко не главным, но символом и сегодняшнего дня. Еще в начале становления государства с религией в Монголии решили покончить радикально: ликвидировать монастыри. Поэтому Гандан и существует сегодня в единственном числе (как действующий). И все же религия вызжила, как мне говорили, число пожертвований монастырю не сокращается. Этому, наверное, существует много объяснений, и проблема еще ждет своих исследователей. Но одно из них кроется, по всей видимости, в недостаточной идейно-воспитательной работе. Буддизм с его запутанной, но привлекательной философией, обращающей душевный покой, равновесие через пассивное отношение к действительности, заполняет образовавшиеся трещины.

В постановлении ЦК МНРП «О внесении некоторых изменений в организацию политико-воспитательной работы» говорится о том, что сегодня, когда возросла степень образованности и повысились духовные запросы людей, политико-воспитательная работа не всегда удовлетворяет требованиям времени. Мероприятия проводятся по немногочисленным шаблонам, не отражают новых условий и запросов, не лишены формализма и пышности. И сейчас принимаются меры, чтобы коренным образом изменить ситуацию.

У МОНГОЛОВ очень красивые имена. Нарангэрэл — Солнечный Свет. Энгбайар — Добрый Праздник, Гамболд — Крепкая Сталь... Урисайхан — Рассвет. Восход, так звали девушку, с которой мы разговорились в гостинице «Улан-Батор» в первый день после приезда. Урисайхан говорила на русском бойко, без напряжения, грамматически верно, но с акцентом. В этом не было бы ничего странного, если бы акцент не был... болгарским. Выяснилось, что училась девушка в Варне.

И теперь я вдруг подумал, что и имя ее, и молодость, и это вот сочетание русского языка с болгарским акцентом могут служить символу будущего Монгольского Народного Государства Всеобщей Дружбы. Ведь именно так дословно переводится на русский название страны...

Сергей ВАШУРИН

УЛАН-БАТОР — ДАРХАН — МОСКВА

На снимках: **встреча Клауса Барбье и Рене Арди в Ла-Пасе в 1972 году; Жан Мулен, замученный гестапо в 1943 году** (в центре); **Клаус Барбье на скамье подсудимых, 1987 год.**

ФРАНЦИЯ:

ЗАГАДКА КАЛЮЙРА

Прояснит ли ее суд в Лионе?

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 9-й СТР.

кличка Рене Арди. 7 июня Дидо отправился на поезде в Париж на встречу с генералом Делестренном. Почему же не доехал? Версия Арди: в поезде он заметил шпика. Обеспокоенный, он сошел с поезда и в Париж заподал, потом пробовал разыскать генерала сам, но не смог. Так объяснил он свое трехдневное отсутствие 7—10 июня.

Смышком «засвеченный»—после Калюйра — для работы в подполье, Арди вынужден отправиться в маки, потом в Северную Африку. Снова его имя всплывает после войны. Арестованный по требованию многочисленных организаций Сопротивления, так и не поверивших до конца его версии, Арди на первом процессе, в 1947 году, был оправдан за недостаточностью улик. Тезис его защитника просто: Арди — Дидо никогда не был в руках гестапо и, стало быть, не мог донести на товарищей, к тому же о совещании в Калюйре он узнал лишь днем раньше, но с тех пор все время был на виду у друзей.

Да, за исключением нескольких минут, которые и давали повод к подозрению. 20 июня, за день до встречи в Калюйре, начальник штаба секретной армии Сопротивления Анри Обри вместе с Гастоном Деффером (будущий мэр Марселя и министр внутренних дел 1981—1983 гг. — **А. С.**) увидели Дидо на ионском месту. Он сидел на скамейке рядом с человеком, читавшим газету. Несмотря на протесты Деффера, Обри отозвал Дидо в сторону и сообщил ему про завтрашнюю встречу. Почему? Генерал Делестрен незадолго до своего ареста, чтобы исключить автономные действия группы железнодорожных диверсий, назначил Арди руководителем III (транспортного) бюро секретной армии. Питавший доверие к Дидо, Обри и сообщил ему про завтрашнее совещание — там, помимо прочего, предстояло выбрать замену арестованному в Париже генералу Делестрену.

Кто же был тот человек, что сидел рядом с Дидо на скамейке, скрывая за газетой лицо? Ровно через сутки, когда Клаус Барбье будет поочередно истязать взятых в Калюйре подпольщиков, допытываясь, кто же из них Макс, он будет орать в раскрасненное лицо Обри:

«Что, не нравится? Вчера-то ты был повеселей. Уже не помнишь? Это я вчера на мосту Моран оставил газету на скамейке рядом с Дидо».

Такое признание от самого Барбье получил в 1948 году и комиссар сыскной полиции Луи Биб, допущенный снять с него допрос в американской зоне в присутствии американских офицеров. Но адвокат Арди на процессе 1947 года твердо держал свою линию: это поклеп, исходящий от врага.

«От врага»... Но были ли врагами Клаус Барбье и Рене Арди?

КТО СРЕДИ арестованных был Макс, Клаус Барбье дознался лишь через два дня. Макс, похоже, признался в этом сам, чтобы избавить от пыток остальных товарищей. Если считать и хозяина дома доктора Дюгуэна, то всего в Калюйре было арестовано девять человек. Выживут из них только трое: сам доктор и два дерзких беглеца — Арди и Обрак. Сегодня именно Обрак и является главным обвинителем Арди.

Макс была кличка специального посланца генерала де Голля в сражающуюся Францию — Жана Мулена. Он создал и возглавил Национальный совет Сопротивления, координирующий работу всех патриотических отрядов на юге и севере Франции, объединил под началом генерала Делестрена все военные подразделения Сопротивления. Есть свидетели, видевшие Жана Мулена в последние дни его жизни: могучий сорокачетырехлетний мужчина был превращен в живой труп. Так работал Барбье. Сам палач теперь уверяет, что будто бы только в 1964 году из публикации в «Пари-матч» он узнал, кем же был на самом деле Макс — Жан Мулен. Он дал множество сбивчивых версий в своих интервью разных лет: будто бы Мулен выбросился из окна; будто бы сам разбил голову о стену; будто бы умер от инфаркта сердца; будто был им передан в руки французской полиции, но умер по дороге в Париж... Под видом боливийского дипломата Клауса Альтмана лионский палач дважды побывал во Франции и даже сходил в Пантеон возложить Мтаж; при Жана Мулена цветы. Позднее он скажет: «Мы были враги. Но я его уважал». Какое «уважение» палач отмерил своему узнику, как известно из свидетельства бывшего переводчика в гестапо, теперь живущего в Швейцарии, Готлиба Фуша: Мулен был зверски замучен в застенках лионского гестапо.

На Нюрнбергском процессе, а потом и на втором суде Арди (1950 год) фигурировал доклад шефа секретной полиции и СД Кальтенбруннера министру иностранных дел Риббентропу от 29 июня 1943 года (всего через восемь дней после западни в Калюйре!). Этот доклад содержит такую фразу: «Сам Макс на собрание не пришел». Историки французского Сопротивления расценивают тайну этой строки следующим образом: лионское, а может, и парижское гестапо боялось даже докладывать наверху о том, что в раже пыток замучили насмерть лидера французского Сопротивления, личного посланника де Голля, которого, конечно же, следовало передать в центральное ведомство РСХА.

В докладе Кальтенбруннера прямо говорится, с чьей помощью были произведены июньские аресты: названа и Клика — Дидо, и имя — Рене Луи Арди. Уже после первого суда над Арди (1947 год) появился новый свидетель — кондуктор поезда, в котором 7 июня Дидо ехал в Париж на встречу с генералом Делестренном. С поезда он не сошел! На самом деле его арестовало и увело гестапо. Итак, три дня, с 7 по 10 июня, он находился в руках Барбье. Почему же он скрыл это от товарищей по Сопротивлению, которые собственными силами провели первое расследование в 1943 году? Почему укрыл этот факт и на процессе 1947 года? Ответ Арди: «Я боялся навлечь на себя подозрения. Ведь Барбье отпустил меня за недостаточностью улик о моей принадлежности к Сопротивлению»...

Барбье «отпустил»? Да еще «за недостаточностью улик»? Палач, отправлявший детей в печи Освенцима, мог проявить подобное великодушие только к провокатору. Вот почему после процесса 1947 года, на котором прояснилась тайственная связь между Барбье и Арди, во Франции поднялась буря возмущения. Она стала не просить, а требовать на суд Барбье — и не свидетелем, а подсудимым. Но загадку Калюйра теперь взялись охранять американцы — они спрятали Барбье. Фразу Кальтенбруннера («Сам Макс на собрание не пришел») и на следующем процессе адвокаты использовали так: дескать, сам Арди точно не знал, кто же такой Макс, а значит, этого не мог от него узнать и Барбье. Что же до человека с газетой, остались сомнения, был ли это Барбье.

ОДНАКО в перипетиях дела не потерять бы нам логику поведения предателей и палачей.

«Если бы Арди сказал нам правду сразу, разве состоялось бы собрание в Калюйре? — пишет в книге «Рискованная авантюра» Клод Бурде, бывший заместитель начальника отряда «Комбэ», теперь один из руководителей пацифистского движения во Франции. — Если бы не была устроена эта западня, многое в истории Франции сложилось бы по-другому как в войну, так и после войны. Я не могу не думать, что, останься Мулен жив, он сыграл бы после Освобождения ключевую роль в жизни страны...»

Первый день своего президентства Франсуа Миттеран начал с возложения гвоздик Жану Мулену — жест, подтверждающий ту же мысль.

Макс, Барбье, Арди сыграл ключевую роль в жизни страны во время войны. Смысл порученной ему де Голлем миссии Клод Бурде раскрыл при нашей встрече так:

— Де Голль послал Мулена во Францию с задачей объединить разрозненные отряды Сопротивления и включить в Национальный совет также политические партии, как ведущие, борющиеся, прежде всего Коммунистическую партию, так и влачившие жалкое существование, впавшие в апатию буржуазные партии Третьей республики. Требование воскресить их вновь всех смущало. И все же довод Мулена был в конце концов принят, потому что мы поняли: только безоговорочное подчинение всего Сопротивления де Голлю, со всеми политическими формациями прежнего режима, станет сильным кулаком его лидерства, в чем ему упрямо отказывали руководители Англии и США.

Действительно, события развивались стремительно: 27 мая 1943 года образован Национальный совет Сопротивления и Жан Мулен шлет де Голлю в Лондон торжественную телеграмму; 30 мая де Голль перебирается в Алжир, где ему устроена полная энтузиазма встреча; через год под его главенством образовано Временное правительство Франции, которое первым признал СССР. Де Голль стал лидером всех сражающихся французов.

Сопротивление во Франции делилось не только на «Юг» и на «Север», по демаркационной линии, которая вплоть до конца 1942 года разделила страну на оккупированную и свободную зоны. Делилось оно также на «левое» и на «правое». Недавно вышедшая во Франции книга Филиппа Харцера «Клаус Барбье и гестапо во Франции» содержит взгляд на роль Жана Мулена именно справа:

«Он не просто «скрытый коммунист», как о нем говорили, — пишет Харцер, — но коммунист явный, не зря в годы Народного фронта он поставлял вооружение республиканским бригадам в Испании...»

Взгляд слева точно схвачен в определении «префект Народного фронта», которое буквально срослось с именем Жана Мулена. Фактически он не принадлежал ни к какой партии, тем не менее по убеждениям его скорей всего следовало отнести к тенденции социалистической. Ведь, создав Национальный совет, он поднял политическую роль социалистической партии гораздо выше того реального веса, который она имела в Сопротивлении.

Трудно гадать, какую роль сыграл бы он после войны, но сам факт выбора его де Голлем красноречив и общепризнан: никто так, как Жан Мулен, не мог обеспечить ему поддержку и признание левых сил страны, самых активных в Сопротивлении. Мулен эту задачу выполнил блестяще и геройски.

КОГДА в 1983 году Барбье был доставлен во Францию, на экраны телевизора возник мужчинка с глубокой тайной от мирового общественного мнения ЦРУ уже в 1947 году на полную катушку запустило планы тайного укрывательства военных преступников под кодовыми названиями «Ратлайн» и «Сальвадаян» — последний конкретно для укрывательства военных преступников, выдачи которых требовали социалистические страны. Чем иным, как не буквальным прикрытием и тайным бывших эсэсовцев, явились эти секретные долголетние программы разведслужбы США? Неонацистская биография старых нацистов точно совмещается с ними...

После доставки Барбье во Францию Центральное разведывательное управление США запросило разрешения «снять показания» с Барбье. Просьба эта не была отклонена. В ответ лишь были выставлены два условия: задать не более тридцати вопросов в письменном виде с предварительным вручением их списка судье, который ведет дело преступника № 239: очная ставка пройдет в присутствии французского чиновника, владеющего английским языком... Вот вы и отомщены, комиссар Биб из сыскной полиции! Ведь это почти дословный перевод тех самых «условий», которые трижды продиктовали комиссару Бибу американские разведчики в 1948 году, когда значение тайны Калюйра в полной мере открылось французам и причинило им, кроме жгучего интереса, еще и жгучую боль.

«...НО ЗАЧЕМ **было сопротивляться? — вопрошает Филипп Харцер в упомянутой книге «Клаус Барбье и гестапо во Франции».—Какое ни было у нас правительство, а оно заключило с Гитлером мир. Мы—официально—не были в состоянии войны. У нас даже не было гауляйтеров, как в других сопротивляющихся и порабощенных странах! Чем мным обернулось бы для нас всеобщее сопротивление, в настоящей войной, на радость Москве?»**

Точно то же самое, чуть ли не слово в слово, говорит и Арди...

Эти голоса не смолкают донные. Слушая их, начинаешь понимать, что никакой загадки Калюйра нет. И никогда не было. Есть загадка обстоятельств, но нет загадки мотивов. Антиголлизм, антикоммунизм, антисоветизм были побудительными мотивами и палачей, и предателей, и коллаборационистов. И тех, кто укрывает их сегодня.

Александр САБОВ

ПАРИЖ—МОСКВА